

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук
Национальная металлургическая академия Украины

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ЦИКЛИЧНОСТЬ И ЭТНОГЕНЕЗ

Статья открывает серию материалов об институциональной эволюции первых цивилизаций Востока, универсальных основаниях её циклической поступательности. Рассматривается влияние этногенеза на цивилизационный цикл. Определяется триединая субстанция институтов, строение и структура уно-институциональной сети, а также позиционирование в последней этнических ин-вариантов.

Ключевые слова: цивилизации Востока, институциональная эволюция, циклическость, этногенез.

JEL: B15, B52.

Цивилизационные универсумные образования (цунобры) – естествен-ноисторический результат характерных для всей доцивилизационной эпохи единства и борьбы центростремительных и центробежных процессов, централизации и децентрализации унобров, их постепенного усложнения и укрупнения, объединения менее крупных (общин, племён, союзов племён) в более крупные и сложноорганизованные (соответственно племена, союзы племён и ранние государства), активного взаимодействия унобров различной величины и уровня сложности. Впрочем, имеющиеся исторические данные о непосредственно предшествовавших цунобрам раннеземледельческих культурах позволяют с достаточной уверенностью судить лишь о постепенности и неравномерности вызревания таких признаваемых многими учёными *признаков* цивилизации, как городские поселения и города, частное присвоение, письменность, государство, а также об определённом сочетании унобров 3.2.2.2.1 и 3.2.2.2.2 – скотоводства и поливного и неполивного земледелия соответственно. Суждения же о соотношении центростремительных и центробежных сил, о масштабах централизации и децентрализации в коротком и длительном исторических периодах, а также о характере эволюционного тренда (линейный, циклический, возвратно-поступательный и т. д.) могут быть только предположительными.

Если принять во внимание эмпирически установленную *известную цикличность* эволюции первых цивилизаций (рис. 1) и руководствоваться элевационным подходом, то правомерно предположение о преимущественно циклическом характере и доцивилизационной эволюции. В таком случае вплоть до новой эры человеческой эволюции имманентны полилинейность, поступательность¹ и цикличность. Здесь речь идёт отнюдь не о традиционной для экономистов-теоретиков цикличности, которая характеризуется известной динамикой известных показателей (уровень ВВП, безработицы, инфляции, курс национальной валюты и т. д.) и объясняется преимущественно экономическими причинами (противоречие между характером производства и формой присвоения, периодичность обновления основного капитала, технологические, монетарные, фискальные шоки и т. д.). Её научный образ отражает реалии капиталистического хозяйства XIX–XXI веков и потому не может быть вполне адекватным ни доцивилизационной экономике, ни экономике первых цивилизаций. Конечно, дело не столько в отсутствии достоверной информа-

¹ О полилинейности и поступательности доцивилизационной эволюции см. подробнее: Тарасевич В.Н. Экуника: гипотезы и опыты. – М., 2008. – С. 220–287.

ции об упомянутых показателях, сколько в принципиально ином общественном устройстве, способе производства, который ещё должным образом не "протестирован" на предмет экономической цикличности. Не исключено, что некоторые элементы последней присущи и первым цивилизациям, но пока это всего лишь предположение.

Рассматриваемая здесь цикличность иного рода. Обозначенные на рис. 1 тренды эволюции первых цивилизаций отражают, прежде всего, эмпирически установленное примерное соотношение укрупнения и разукрупнения цунобров, централизации и децентрализации власти, центростремительных и центробежных сил, так сказать, "дыхание" цивилизационных пространств в историческом времени. Указанные тренды суть определённые эмпирические правильности, которые требуют *специального исследования и объяснения*.

О цивилизационной цикличности и этногенезе

Как видно из рис. 1, цивилизационная цикличность наиболее чётко выражена в эволюции *Древнего Египта*. Доминирование центростремительных процессов, укрупнения цунобра и централизации власти характерны для эпох Раннего и Древнего царств, Среднего царства, Нового царства, Позднего царства. В Позднем царстве миссия центростремительности принадлежала, главным образом, иностранным завоевателям – ливийскому, кушитскому, ассирийскому и персидскому. Из более чем 600-летней истории Позднего царства независимый Египет существовал всего около 60 лет. Разукрупнение и децентрализация достигают наибольших масштабов в I (2200–2005 годы до н. э.), II (1715–1554 годы до н. э.) и III (1075–945 годы до н. э.) переходных периодах. Македонское завоевание 332 года до н. э. положило начало многовековому зависимому существованию Египта в составе иных государств.

В *Древней Месопотамии* наиболее значимая централизация и укрупнение наблюдаются в Шумерский, Старовавилонский и Касситский периоды, а также во времена Халдейской династии. Децентрализация и раздробленность характерны для периодов разрушительной внешней агрессии семитов – амореев и эламитов (XX–XIX века до н. э.), касситов (XVII век до н. э.), а также междоусобиц с участием соседних племён и государств (большая часть Новоавилонского периода). После персидского завоевания 538 года до н. э. Вавилония навсегда утратила независимость.

В истории *Древнего Китая* известны два главных периода государственной централизации: эпохи Западного Чжоу (X–IX века до н. э.) и Хань (II век до н. э. – II век н. э.). Для эпохи Шан характерно противоборство племён, союзов племён и городов-протогосударств, а для эпохи Восточного Чжоу – княжеств и царств. К концу обеих эпох центростремительные силы становятся доминирующими. В 220 году н. э. империя Хань распалась на три независимых царства.

Имеющиеся данные по истории *Древней Индии* не позволяют достаточно точно определить хронологические рамки периодов централизации в Хараппскую и Ведийскую эпохи. Можно лишь предполагать доминирование центростремительных сил в первую половину Хараппской эпохи, центробежных – во вторую, а также в Тёмные века. Для Ведийской эпохи характерно постепенное укрупнение догосударственных образований и возникновение первых ранних государств. Естественным продолжением этой тенденции стало образование в Магадхо-Маурийскую эпоху первого общеиндийского государства – империи Маурьев (314–180 годы до н. э.). В Кушано-Гуптскую эпоху наибольший уровень централизации демонстрируют Кушанское царство (II век н. э.) и империя Гуптов (IV век н. э.). Распад последней возвращает Индию в состояние раздробленности.

Итак, *циклическая динамика* присуща всем рассматриваемым первым цивилизациям. Это их общее, *срединное* качество. Наиболее выражена цикличность в эволюции Древнего Египта, наименее – Древней Индии. Промежуточные положения занимают Древняя Месопотамия и Древний Китай. Разумеется, в объяснении этого общего и особого мы будем руководствоваться не только относительным недостатком или избытком исторических данных, но и иными соображениями.

Памятуя о доминировании в рассматриваемую эпоху природной составляющей природно-общественного баланса над его общественной составляющей, а также о непосредственном произрастании этнического из

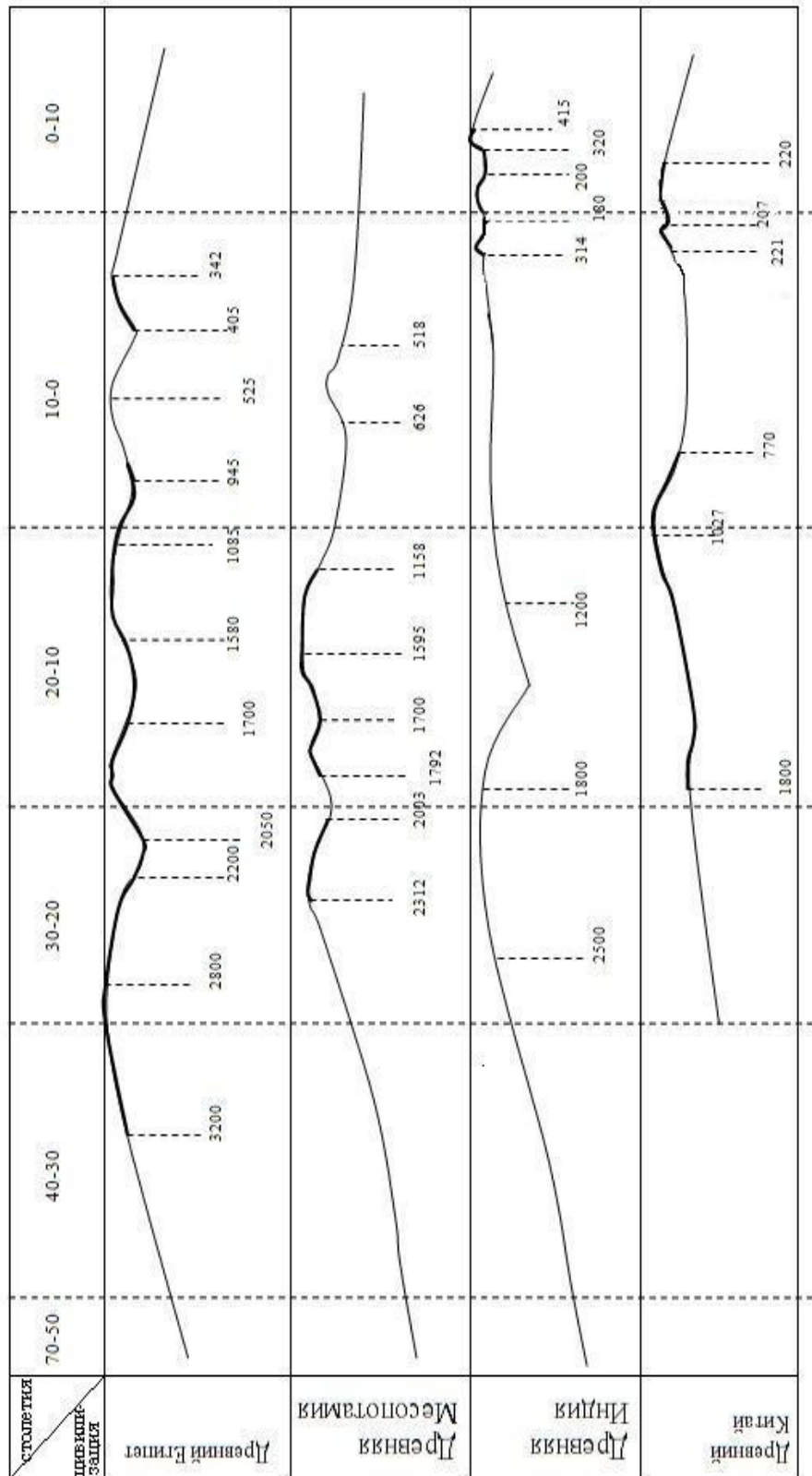

Рисунок 1. Цикличность эволюции первых цивилизаций

природного, вполне логично начать поиск оснований цивилизационной цикличности в эколого-этнической сфере и обратиться к фундаментальной теории этногенеза (пассионарности) Л.Гумилёва. Внимательное рассмотрение открытых им циклов жизни различных этносов и суперэтносов в XVII–III веках до н. э.² обнаруживает весьма значимые соответствия определённых фаз пассионарного напряжения ведущих этносов (суперэтносов) первых цивилизаций и некоторых фаз циклической эволюции этих цивилизаций³.

В XVIII веке до н. э. в результате пассионарного толчка возникают этносы египтян-2, гиксосов и хеттов. У племён гиксосов в силу их кочевого образа жизни инкубационная фаза этногенеза завершается относительно быстрее, а пассионарный подъём начинается раньше, чем у египтян-2. Именно под напором гиксосов пало Среднее царство, а II переходный период 1715–1554 годов до н. э. отмечен их противоборством с египтянами-2. Пассионарный подъём и преимущества оседлости последних сыграли важную роль в их победе над гиксосами, возвышении Нового царства и превращении Египта в первую мировую империю, территория которой простиралась далеко за пределы долины Нила (XVI–XI века до н. э.). Акматическая фаза и надлом (вероятно, XII–X века до н. э.) сопутствуют децентрализации и распаду Египта (III переходный период 1075–945 годов до н. э.), а инерционная фаза этногенеза в период Позднего царства характеризуется чередой завоеваний Египта этносами, находившимися в фазе пассионарного подъёма, – кушитами (VIII–VII века до н. э.), персами (VI–V века до н. э.), А.Македонским в 332 году до н. э.

Характер эволюции Древнего Египта до XVIII века до н. э. позволяет предположить, что этнос египтян-1 возник в результате пассионарного толчка XXXI–XXX веков до н. э. Пассионарный подъём связан с возвышением Древнего царства, акматическая фаза и надлом – с его упадком и децентрализацией I переходного периода, а инерционная фаза и обскурация – с циклом жизни Среднего царства. Вообще, фазы этногенеза в Древнем Египте выражены гораздо чётче, чем в иных первых цивилизациях, в том числе в силу его большей закрытости от внешних влияний⁴ и сравнительно большей этнической однородности⁵.

Иные природные условия предопределили сравнительно большую открытость Древней Месопотамии, а следовательно, большую подверженность внешним влияниям, больший этнический динамизм и неоднородность. Если опираться на выводы Л.Гумилёва, то касситское завоевание Вавилона в 1595 году до н. э. (после длительного противостояния с семитами – амореями) и их более чем 400-летнее господство стало возможным вследствие их союза с хеттами, которые находились в фазе пассионарного подъёма. Данные о вероятной предопределённости Шумерского, Старовавилонского и Халдейского периодов централизации пассионарным подъёмом или инерцией соответствующих этносов отсутствуют.

В Древнем Китае чётко выражен этногенез чжоусцев. Пассионарный подъём позволил им более чем на 200 лет эпохи Западного Чжоу объединить

² Отсутствие достаточно репрезентативного исторического материала не позволило Л.Гумилёву проанализировать этногенез более раннего исторического периода.

³ В современной теории этногенеза суперэтнос трактуется как группа этносов, возникшая в результате пассионарного толчка в одном регионе и связанная общностью исторической судьбы. Очевидно, цивилизация является суперэтнической системой, ядро которой представлено наиболее пассионарным этносом (этнотомом) вовлекающим(и) в зону своего влияния менее пассионарные и активные, а потому ведомые этносы. Централизация и превалирующая центробежность восходящей ветви цивилизационного цикла связана с экспансией указанного этноса, его доминированием над другими этносами и формированием таким образом мощной суперэтнической системы. Нисходящая ветвь цивилизационного цикла характеризуется снижением энергетического потенциала ведущего этноса, ослаблением, вплоть до распада, суперэтноса, гибелью или вовлечением ведомых этносов в орбиту других суперэтносов. Фазам обскурации, реликтовой, а также гибели ведущего этноса, как правило, отвечает нижняя поворотная точка цивилизационного цикла, высшая степень децентрализации и центростремительности, потеря политической независимости цивилизационными государственными образованиями.

⁴ Как известно, в те времена Нильская долина (длинный и узкий оазис – от 1 до 20 км в ширину) была закрыта горными цепями и пустыней со всех сторон, кроме северо-восточной.

⁵ Речь идёт именно о сравнительно большей этнической однородности, ибо различие природных условий и вмещающих ландшафтов Верхнего и Нижнего Египта, большая открытость последнего предопределили такие особенности этнического состава, которые могут послужить одним из оснований для предположения о существовании двух субцивилизаций древнеегипетской цивилизации.

многочисленные города-протогосударства в единое раннее государство. Акматическая фаза этногенеза и пассионарный надлом в эпоху Восточного Чжоу обусловили доминирование децентрализации и распад государства. Активизация центробежных процессов в конце эпохи Восточного Чжоу, в эпохи Цинь и Хань, образование империи совпадает с инерционной фазой этногенеза. В фазе обскурации империя Хань распадается на отдельные царства, а к III веку н. э. древнекитайский виток этногенеза завершается.

Объединение большей части *Древней Индии* кушанами в I–III веках н. э. может быть объяснено их пассионарным подъёмом (пассионарный толчок датируется III веком до н. э.). Из истории известно, что характер Хараппской эпохи (XXV–XVIII века до н. э.) определяли аборигенные племена дравидов и колариев, а Ведийской (XIII–VI века до н. э.) и Магадхо-Маурийской (V–II века до н. э.) – этносы индоариев. Однако из-за отсутствия репрезентативных данных цикл жизни указанных этносов не установлен.

Итак, объяснение цивилизационной цикличности с помощью теории этногенеза не является исчерпывающим. Однако это отнюдь не умаляет её значимости, как и значимости возникающих в связи с её применением гносеологических проблем. Одна из ключевых – соотношение природного и общественного начал универсума, поддержание баланса общественных институтов и природных стандартов. С одной стороны, Л.Гумилёв отмечает "...несовпадение социальных и этнических ритмов развития. Первое – это спонтанное непрерывное движение по спирали, второе – прерывистое, с постоянными всплесками, инерция которых затухает при сопротивлении среды. Хронологические социальные сдвиги – смены формаций и этногенетические процессы никак не совпадают... Общественное развитие человечества прогрессивно, этносы же обречены на исчезновение"⁶. С другой стороны, "...именно благодаря высокому накалу пассионарности происходит взаимодействие между общественной и природными формами движения материи, подобно тому, как некоторые химические реакции идут лишь при высокой температуре и в присутствии катализаторов"⁷. Работы Л.Гумилёва полны объяснениями тех или иных социальных процессов и событий уровнем пассионарного напряжения соответствующих этносов (суперэтносов). Исторические факты убеждают не просто во взаимодействии природного и общественного, но и в том, что при определённых условиях по крайней мере некоторые общественные процессы входят в резонанс с этническими, а общественные институты – с природными стандартами. В связи с этим позволено вновь обратиться к анализу оснований указанных взаимодействий.

О триединой субстанции институтов

Ранее обоснованные выводы о всеобщем влиянии бессознательных психофизиологических образований человека на его социальную природу и общественный порядок и наличии особого *генного механизма* такого влияния не позволяют считать гены *непосредственными* продуцентами человеческого надбиологического (общественного) и его доминантными носителями.

В биологии и генетике доминирует представление о **гене** как участке молекулы ДНК со специфическим набором нуклеотидов, в линейной последовательности которых закодирована генетическая информация. Каждый ген ответственен за синтез определённого белка. Контролируя образование белков, гены управляют всеми химическими реакциями организма и таким образом определяют его биологические признаки. Сложная система всех генов организма, в которой каждый определённым образом взаимодействует с другими, суть его (организма) генотип. В нём запечатлён генетический код – имманентная организму единая система "записи" наследственной биологической информации в молекулах ДНК и РНК в виде последовательности нуклеотидов.

Изложенное убеждает лишь в том, что **гены являются** материальными носителями *природных стандартов в человеке*⁸, человеческого бессознательного, **субстанцией инстинктов**, и если оказывают влияние на человеческое

⁶ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. – С. 324.

⁷ Там же.

⁸ Здесь, как и ранее, природные стандарты рассматриваются в качестве своеобразных институтов природы, тех порядков, "норм" и "правил", которым природа неукоснительно следует и считается с которыми рано или поздно принуждает человека.

надбиологическое, то только посредством последних, а также иных психофизиологических образований. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов возможное запечатление и воспроизведение в генотипе некоторых элементов человеческого надбиологического (общественного). Это тем более правомерно в свете многочисленных и бесспорных свидетельств влияния общественного на биологическое. Так, по мнению специалистов, социальная эволюция если и не останавливает полностью естественный отбор в рамках вида *homo sapiens*, то существенно модифицирует его, известным образом подчиняя своим законам. Социальное положение человека, прежде всего, его принадлежность к той или иной профессии, социальной группе оказывает заметное влияние на его физиологические характеристики, которые, как известно, могут наследоваться. Например, в первых цивилизациях трудно было спутать жреца и ремесленника, а в современных условиях – грузчика и программиста. Однако имеющиеся данные не позволяют считать гены субстанцией, единственным носителем надбиологического, а тем более, его непосредственным продуцентом. Но существует ли подобная субстанция вообще?

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо обратиться к соответствующим положениям меметики (от греч. *mimnē* – подобие, подражание) – молодой науки о мемах, причинах их происхождения и механизмах распространения. По мнению одного из её основателей Р. Докинза, **мем** – это единица хранения и распространения элементов культуры. Подобно генам, мемы – репликаторы, которые копируют сами себя. Они могут видоизменяться (комбинироваться или разделяться), чтобы формировать себе подобных. В процессе конкуренции друг с другом они подвергаются своеобразному естественному отбору. Мемы могут распространяться горизонтально (между представителями одного поколения) и вертикально (от поколения к поколению). Как правило, они образуют группы – комплексные мемы, или мемплексы. Примерами последних являются религиозные догматы, идеологические доктрины и т. п.

В философии сходные идеи выражены в концепции социокодов В. Стёпина. По его мнению, у человека есть две кодирующие системы, которые программируют его биологическую и социальную жизнь. Первая – это биологические программы, представленные генетическими кодами. Вторая – социальные программы, выраженные посредством социокодов, которые передают от человека к человеку, от поколения к поколению надбиологические программы, регулирующие социальную жизнь. Как управляемый генетическим кодом обмен веществ воспроизводит клетки и органы сложных организмов, так и различные виды деятельности, поведения и общения, регулируемые кодами культуры, обеспечивают воспроизводство и развитие подсистем общества и их связей, характерных для каждого исторически конкретного вида социальной организации (присущей ему искусственно созданной предметной среды – второй природы, социальных общностей и институтов, свойственных данному обществу типов личностей и т. д.)⁹.

Итак, если гены – это своеобразные атомы, носители человеческого биологического, то мемы – человеческого надбиологического, общественно-го. Именно **мемы** являются **субстанцией протоинститутов и собственно институтов**. Протоинституты и собственно институты в таком случае представляют собой формы и способы существования мемов и мемплексов. Подобно тому, как сложнейшая биологическая природа человека задана генами, а его не менее сложное общественное начало – мемами, поразительное многообразие взаимодействий биологического и общественного в человеке опирается на взаимосвязи, взаимодействие генов и мемов, генотипа и мемоти́па, генетического и социального кодов. Разумеется, можно было бы привести убедительные примеры подобных генерационных, автопоэтических, сукцес-

⁹ Стёпин В. Наука и философия // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 67. По мнению М. Петрова, социокod обеспечивает механизмы социальной наследственности – воспроизведение в разных сменяющих друг друга поколениях определённых характеристик, навыков, умений, то есть социальности. Функционирование социокодов обеспечивается: 1) двумя взаимосвязанными формами существования – деятельностью и знаком, выполняющим функции социального гена; 2) такими видами общения, как коммуникация, трансляция и трансмутация. Взгляд на культуру через призму социокода обнаруживает, что существование институтов вне человека мнимо. См.: Неретина Н. Социокod философии (о философских работах М.К. Петрова) // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 91 – 92.

сионных, коэволюционных и иных взаимосвязей генов и мемов. Но в контексте институциональной эволюции принципиально важен результат синтетических взаимосвязей. Синтез биологического и общественного рождает человека как индивидуальность, которая не сводима ни к собственно биологическому, ни к собственно общественному. *Человек суть самостоятельная данность, микроуниверсум. Более того, он предстаёт триединством биологического, общественного и универсального начал.*

На субстанциональном уровне этому отвечают, во-первых, синтез генов и мемов и образование в его результате **унов** – "первоатомов" человека – микроуниверсума; во-вторых, взаимодействие генов, мемов и унов. Уны не сводимы ни к генам, ни к мемам. Рождённые от их (генов и мемов) брака, они имеют собственную качественную определённую и судьбу. Именно уны ответственны за сохранение, репликацию и эволюцию не собственно биологического и не собственно общественного, а собственно человеческого в человеке – микроуниверсуме. Вполне допустимо предположить, что подобно генам и мемам, уны, взаимодействуя между собой, способны образовывать сверхсложную систему – человеческий унотип, в котором запечатлён, "встроен" унотический код – система записи наследственной информации о собственно человеческом в человеке. Предположительно таков невидимый уровень человеческой жизнедеятельности.

Её видимая часть представлена институтами, а также институциональной универсумикой. Иными словами, **уны являются субстанцией институтов**, а унотип – субстанцией институциональной универсумики. Обратимся к рис. 2. Если гены являются субстанцией инстинктов, а мемы – протоинститутов и собственно институтов, то уны – субстанция институтов. Если инстинкты суть форма, способ реализации генов, а протоинституты и собственно

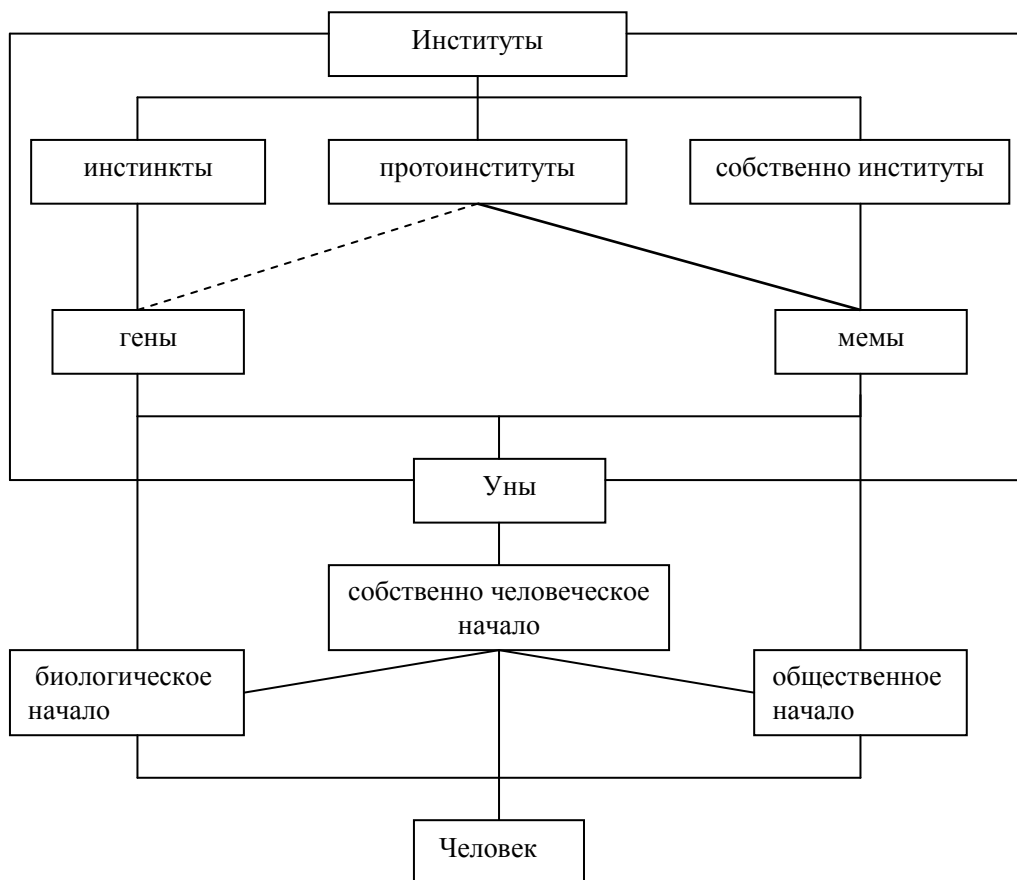

Рисунок 2. Триединая субстанция институтов

институты – мемов, то институты – унов (на рис. 2 эти зависимости обозначены сплошными линиями). В той мере, в какой инстинкты образуют протоинституты и институты, гены являются субстанцией протоинститутов (на рис. 2 эта зависимость обозначена пунктиром) и институтов соответственно. Точно так же в той мере, в которой протоинституты и собственно институты образуют институты, мемы являются субстанцией институтов.

Подобно тому, как уны – не только синтез генов и мемов, но и нечто третье, качественно иное, институты как конкретная форма выражения и реализации унов суть не просто синтез инстинктов, протоинститутов и собственно институтов, но и нечто четвёртое, не сводимое ни к одному из указанных синтезированных элементов. Этот синергетический эффект синтеза инстинктов, протоинститутов и собственно институтов суть особая идентичность, определённая, самость институтов, которая пока должным образом не исследована. В то же время становится очевидным, что именно треугольник "гены – мемы – уны" является субстанцией баланса общественных институтов и природных стандартов в их универсальной общности, а инстинкты выступают репрезентантами природных стандартов в человеке.

Позиционирование этноса в уно-институциональной сети

Изложенное позволяет предположить, что на субстанциональном уровне взаимодействие природного и общественного происходит в треугольнике "гены – мемы – уны" посредством, прежде всего, *цепочки активности* (на рис. 3 она обозначена жирным курсивом)¹⁰, формой выражения и реализации которой является *институциональная цепочка* (обозначена простым курсивом). Ранее была исследована историческая коэволюция указанных цепочек и их элементов¹¹. В современных условиях они продолжают существовать и взаимодействовать в составе **уно-институциональной сети**, образуя соответствующие узлы – 1) собственно поведение – инстинкты, 2) метаповедение – метаинстинкты, 3) преддеятельность – прединституты, 4) человеческое поведение – протоинституты, 5) деятельность – собственно институты.

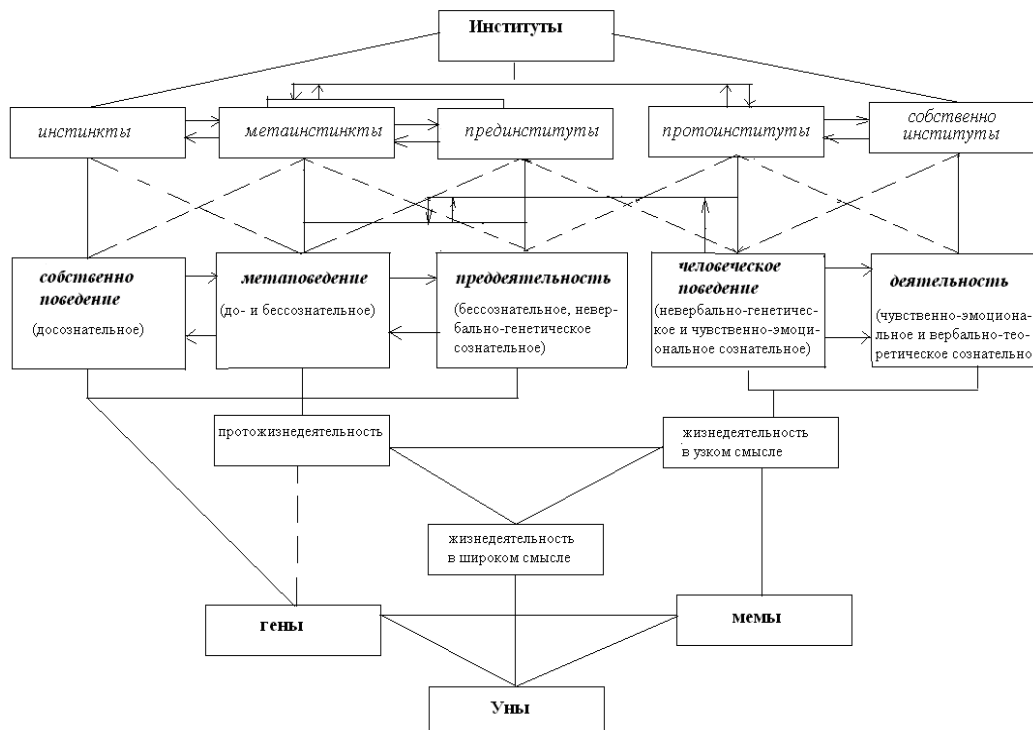

Рисунок 3. Уно-институциональная сеть

¹⁰ В цепочке активности вместе с элементами жизнедеятельности представлены наиболее адекватные им элементы человеческой психики (в широком смысле).

¹¹ См.: Тарасевич В.Н. Экуника: гипотезы и опыты. – С. 148–219.

С одной стороны, собственно природное в человеке, представленное в данном случае генами, собственно поведением и инстинктами, воздействует по цепочкам активности и институциональной через ряд посредствующих узлов на собственно общественное человеческое начало, представленное мемами, собственно деятельностью и собственно институтами (на рис. 3 такое воздействие обозначено стрелками, направленными слева направо)¹². С другой стороны, по тем же цепочкам посредством тех же узлов общественное начало воздействует на природное (на рис. 3 соответствующие стрелки направлены справа налево). Градус общественного в указанных цепочках и узлах нарастает слева направо, а градус природного – справа налево. Соответствующие элементы цепочек активности и институциональной связаны между собой и с субстанциональными элементами. Профильные, доминантные связи, образующие соответствующие узлы, обозначены на рис. 3 сплошными линиями, непрофильные, вспомогательные (например, между преддеятельностью и протоинститутами, человеческим поведением и собственно институтами) – пунктиром.

Воспользуемся указанными обобщениями для интерпретации и выяснения ограничений теории этногенеза Л.Гумилёва. В соответствии с последней, пассионарный толчок является прямым следствием космических энергетических "шоков" – периодических потоков космической и солнечной энергии, значительно превышающих на определённой территории обычный, "фоновый" уровень. С одной стороны, эта энергия вызывает изменения существующих природных стандартов – климатических, ландшафтных, флоры и фауны. Соответствующим образом должны измениться элементы цепочек активности и институциональной – императивы выживания и развития, к примеру, в степной зоне иные, чем в лесной или лесостепной. С другой стороны, значительно возрастает энергетический потенциал подвергшейся избыточному космическому воздействию человеческой популяции, который катализирует соответствующие изменения в цепочках и узлах уно-институциональной сети. Поскольку речь идёт о преобразованиях космической, преимущественно физической энергии в энергию живого вещества, преимущественно биохимическую, то есть о материях, весьма далёких от профессиональной подготовки экономистов-теоретиков, к тому же недостаточно изученных коллегами из иных научных цехов, постольку дальнейшие соображения могут претендовать лишь на гипотетичность.

Вероятно, космический "шок" вызывает, прежде всего, взаимосвязанные и соразмерные флуктуации собственно поведения и мутации генов, природных стандартов в самом человеке. И то и другое детерминирует вполне определённые адаптационные изменения инстинктов – инстинктивные реакции становятся более энергонасыщенными, а следовательно, и более активными, волатильными, в их цепочках отмирают некоторые старые элементы, появляются новые, более адаптированные элементы, а также их неожиданные самосборки и комбинации. Избыток биохимической энергии (в сравнении с необходимой для поддержания гомеостатического функционирования существующих цепочек активности и институциональной) делает возможным усиление давления узла "собственно поведение – инстинкты" на иные узлы уно-институциональной сети, их взаимодействие, а также повышенную эндогенно продуцируемую подвижность иных узлов и элементов указанных цепочек. Новые элементы и самосборки целенаправленных действий появляются не столько в силу пределов развития на основе инстинктов – это было характерно для эпохи рождения человека из нечеловека, сколько вследствие повышенной энергетики и волатильности цепочек инстинктивных реакций, а следовательно, большей вероятности их разрывов, а также высокой энергонасыщенности не только бессознательного, но и сознательного начала человеческого духа, в том числе его невербально-генетической составляющей. Рождение и усложнение паттернов как прединститутов является результатом преимущественно осознанных действий, а метаповедение (синтез цепочек инстинктивных реакций и включённых в них цепочек целенаправленных действий) становится значительно активнее, но остаётся преимущественно не-

¹² С известной долей условности можно утверждать, что рис. 3 иллюстрирует элементы механизма всеобщего влияния бессознательных психофизиологических образований человека на его социальную природу и общественный порядок.

осознанным и в этом смысле уступает осознанной активности преддательности. Так или иначе, но набор метаинстинктов и прединститутов у пассионариев становится весьма отличным от их непассионарных предков.

Исторически человеческое поведение появляется значительно позднее метаповедения и преддательности – как результат их весьма продолжительного, измеряемого тысячелетиями взаимодействия и синтеза. Человеческое поведение первых цивилизаций и новой эры – относительно самостоятельная реальность, которую отличает от "родителей" чувственно-эмоциональная осознанность, богатство осознано-неосознанных реакций (в сравнении с инстинктивными), действий, операций и соответствующее многообразие институтов в различных формах (обычаи, культы, ритуалы, традиции и пр.). Энергетический импульс усиливает эти характеристики. С одной стороны, возникают новые комбинации метаповедения и преддательности как особых форм сочетания природного и общественного в человеке, а с другой – чувственно-эмоциональное становится многограннее, получает дополнительную энергию для каталитического воздействия на вербально-теоретический блок сознания. Соответствующим образом обновляется протоинституциональная архитектура. Вновь рождённый этнос идентифицируется именно посредством *архитектоники метаинстинктов, прединститутов и протоинститутов*, которая существенно отличается от "родительской" и таковой у окружающих этносов. Именно энергетический потенциал указанной архитектуры данного этноса суть ключевой фактор образования или распада суперэтнической системы, ядром которой он является. У консорций, конвиксий и субэтносов, из которых появляется новый этнос, упомянутая архитектура ещё не сложилась, наличествуют только её отдельные элементы и взаимосвязи.

Если до узла "деятельность – собственно институты" энергетический импульс распространяется по заданным преобразованием космической энергии в биохимическую параметрам практически беспрепятственно и бесконтрольно – его осознанная канализация и сублимация незначительны, то в указанном узле происходит "перерыв" беспрепятственности. О чём идёт речь? Собственно поведение и инстинкты предполагают практически мгновенную и не опосредованную сознанием реакцию организма на внешние раздражители. По мере продвижения от собственно поведения к метаповедению, преддательности и далее к человеческому поведению вместе с развитием и ростом значимости цепочек осознанных реакций между воздействием внешних раздражителей и реакцией на них появляется некоторый временной интервал, в течение которого предпринимается попытка осознания, во-первых, самого внешнего воздействия и, во-вторых, возможной реакции на него. Реакция становится более осознанной. Однако в силу функциональных ограничений невербально-генетического и чувственно-эмоционального блоков сознания направленность теперь уже несколько запаздывающей реакции на воздействие внешнего раздражителя в главном отвечает направленности этого действия.

Канализация реакции в принципиально ином направлении может быть осуществлена в узле "деятельность – собственно институты", ибо здесь она детерминирована целенаправленной осознанной деятельностью. Во-первых, по мере движения по цепочке активности в упомянутой реакции нарастает удельный вес развитого сознательного начала, а в узле "деятельность – собственно институты" происходит качественный скачок – вербально-теоретическое начало становится доминирующим. Во-вторых, указанный узел отнюдь не пассивен. Рождаемая совместной целенаправленной деятельностью общественная энергия способствует экспансии и усилению вербально-теоретической составляющей сознания. На субстанциональном уровне мемы становятся вполне конкурентоспособными с генами. Столкновение импульсов природной и общественной энергий особенно ощутимо. В отличие от иных узлов, где доминирующая природная энергия подпитывает ещё относительно слабую общественную энергию, здесь первая встречает в последней достойного оппонента. Преимущественно односторонняя детерминация трансформируется в двустороннюю. Обогащённый природной энергией импульс общественной энергии с той или иной степенью интенсивности распространяется по цепочке активности справа налево, что проявляется в многообразных

формах воздействия искусственной природы на природу естественную, "рукотворных" собственно институтов – на прото- и прединституты, метаинстинкты и инстинкты. Строго говоря, природная и общественная энергии, энергии и генов, и мемов разной степени интенсивности взаимодействуют во всех узлах и взаимосвязях уно-институциональной сети, рождая *собственно человеческую энергию – уно-энергию*. Следовательно, энергетический потенциал сети питают не два, а три вида энергии, а *институциональная энергия*, столь узнаваемая на поверхности жизнедеятельности в сонме институтов, является одним из выражений этого триединства.

В контексте вышеизложенного становится очевидным, что, в соответствии с теорией этногенеза Л.Гумилёва, рождение этноса непосредственно связано с детерминируемым природным энергоимпульсом рождением элементов принципиально нового качества в узлах "метаповедение – метаинстинкты", "преддеятельность – прединституты", "человеческое поведение – протоинституты". Поскольку этнос, по Л.Гумилёву, – это, прежде всего, биофизическая реальность, хотя и всегда облачённая в ту или иную социальную оболочку, постольку в теории этногенеза акцент сделан на природной составляющей указанных узлов, такой детерминации природным общественно-го, когда в человеческом сознании доминируют *невербально-генетическое и чувственно-сознательное*, а в общественных институтах – соответствующие *пред- и протоинституциональная составляющие*. В теории не представлены базовые механизмы воздействия этнического на общественное; политические, экономические, духовные и социальные характеристики этносов, а также проблематика влияния общественного на этническое как в каждом из узлов уно-институциональной сети, так и в движении по цепочкам активности и институциональной справа налево. Это ни в коей мере не свидетельствует о каких-либо негативах теории. Этим всего лишь подтверждается старая как мир истина – любая научная теория не может быть универсальной – её объект, предмет, категориальный аппарат, инструментарий, утверждения и выводы ограничены по определению. В этом сила и слабость любой теории. С помощью теории пассионарности возможно достаточно точное научное объяснение *природно-этнической* составляющей циклической эволюции первых цивилизаций, но не экономической, социальной, духовной и политической. Этим самым теория излучает импульсы выхода за собственные пределы в интересующую нас сферу общественного и институционального.

ABOUT INSTITUTIONAL EVOLUTION OF THE FIRST EASTERN CIVILIZATIONS: CYCLICITY AND ETHNOGENESIS

Victor Tarasevych

Author affiliation: Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head, Chair of Political Economy National Metallurgical Academy of Ukraine. Email: v_tarasevich@list.ru

The article opens a series of materials about the institutional evolution of the first Eastern civilizations, and universe bases of its cyclic progress. The ethno influence on civilization cyclicity is considered. The author defines a triune substance of institutions, structure of one-institutional net and the place of ethnoconstants in it.

Keywords: Civilizations of the East, institutional evolution, cyclicity, ethnogenesis

JEL: B15, B52.